

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.04

УДК 17.023:141.133

НРАВСТВЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

О.В. Артемьева

Институт философии РАН, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-8730>

Статья посвящена анализу морального учения Толстого, которое представлено как нормативный абсолютизм. В моральной философии абсолютизм принимает разные формы. Наиболее очевидно различие между «теоретическим» и «нормативным» абсолютизмом. «Теоретический» абсолютизм сосредоточен на осмыслении природы морали как уникального самодостаточного феномена, не обусловленного никакими внешними по отношению к нему феноменами и несводимого ни к одному из них. В рамках данного подхода в фокусе внимания оказываются существенные характеристики морали, при этом анализ и систематизация ее нормативного содержания не ставится в качестве самостоятельной задачи. «Нормативный» же абсолютизм, напротив, сосредоточен на формулировании системы конкретных безусловных правил, которыми в своих поступках должен руководствоваться любой человек. Нормативный абсолютизм Толстого выражен в следующих утверждениях: а) нравственный закон является высшим, непосредственно определяющим жизнь человека во всех ее сферах; б) главное и единственное дело человечества – уяснение содержания нравственного закона; в) нравственный закон выражен в пяти конкретных безусловных правилах, которые вменяют: 1) не оскорблять людей словом; 2) воздерживаться от блуда; 3) не клясться и ничего не обещать; 4) ни с кем не судиться, не платить злом за зло, терпеть обиды, отдавать последнюю рубаху; 5) не воевать. Свообразие нормативного абсолютизма Толстого проявляется в акценте на перфекционизме и запретительном характере моральных правил. Содержательно нормативный абсолютизм Толстого определен законом непротivления, который трактуется как закон прямого действия, не допускающий никаких исключений.

Ключевые слова: Толстой, абсолютизм, мораль, принципы и правила, непротivление, ненасилие, насилие, перфекционизм.

LEO TOLSTOY'S MORAL ABSOLUTISM

Olga V. Artemyeva

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-8730>

The paper is devoted to the analysis of Tolstoy's moral teaching, which is presented as normative absolutism. Absolutism takes different forms in moral philosophy. The most obvious distinction is between, say, 'abstract' and 'normative' forms. 'Abstract' absolutism focuses on the comprehension of the nature of morality and its peculiar features, while the analysis and systematization of the normative content of morality is not put as an independent task. 'Normative' absolutism, on the contrary, concentrates on the elaboration of the system of particular unconditional rules, which shall be subject to compulsory implementation. Tolstoy's normative absolutism is discovered in the following statements: a) the moral law is the ultimate, directly determining the life of a human being in all life spheres; b) the fundamental and the only task of mankind is the clarification on the moral law; c) the moral law is expressed in five specific unconditional rules, which require not to be angry; to refrain from fornication; not to swear; not to sue; not to fight. The peculiarity of Tolstoy's normative absolutism manifests itself in the emphasis on perfectionism and prohibitive character of moral rules. Substantially Tolstoy's normative absolutism is determined by the unconditional law of non-resistance to evil, which is treated as directly applicable law, allowing no exceptions.

Keywords: Tolstoy, absolutism, morality, principles and rules, non-resistance, nonviolence, violence, perfectionism.

В моральной философии абсолютизм принимает разные формы. Наиболее очевидно различие между, условно говоря, «теоретическим» абсолютизмом и «нормативным». «Теоретический» в первую очередь связан с осмыслением природы морали как особого самодостаточного феномена, не обусловленного никакими внешними по отношению к нему феноменами и не сводимого ни к одному из них. В качестве примеров такого рода «теоретического» абсолютиз-

ма можно сослаться на концепции стоиков [1, 2, с. 210–237], кембриджских платоников [3, 4], интеллектуалистов XVIII века [5, 6, 7]. Во всех этих концепциях мораль предстает в виде универсального беспредпосылочного закона – закона природы, который оказывается конечным основанием и критерием («мерилом») любых человеческих законов, правил, оценок, поступков. В концепциях кембриджских платоников и интеллектуалистов моральный закон к тому же наделяется обязывающей силой и в отношении воли Божества, и всех его действий. При том что моральный закон трактуется вроде бы предельно объективистски, в действительности такая трактовка служит обоснованию ничем, кроме морального закона, не ограниченной автономии субъекта. Абсолютная мораль – это та сфера, в которой субъект в своих решениях и поступках свободен от любой внешней детерминации в виде собственной психологической, материальной природы или в виде указаний Бога, его заместителя на земле, правителей, воспитателей, любых авторитетов. В своих решениях моральный субъект не должен безоглядно следовать общественному мнению, законам или традициям. Человек внутренне причастен морали – моральному закону и не нуждается ни в каких посредниках для того, чтобы понять, как ему следует поступать в конкретных обстоятельствах. Благодаря разуму – конституирующему человека началу – человек способен к непосредственному усмотрению принципов и требований морального закона, к принятию на этой основе решения, к совершению поступка без дополнительной внешней стимуляции в виде наград, наказаний, удовольствия и страдания. Моральность человека проявляется лишь тогда, когда он в принятии решения и совершении поступка в конечном итоге полагается сам на себя. Признание морального закона в качестве закона природы и внутренней причастности этому закону человека служит своего рода гарантией того, что субъект принимает решения, совершает поступки, судит исходя из разумных представлений о достойном, правильном, задаваемых этим законом, а не под влиянием страстей и склонностей, не по произволу и капризу, не ради корысти.

В рамках «теоретического» абсолютизма прояснение, анализ и систематизация нормативного содержания морали не ставится в качестве существенной самостоятельной задачи. И тем более не ставится задача определения безусловных, универсально значимых норм прямого действия, которым должны следовать все без исключения невзирая на обстоятельства. В этико-философских концепциях, сосредоточенных на идее моральной автономии личности, едва ли могло быть по-другому. Своего рода систематизация ценностей, принципов, правил составляет сферу ответственности конкретного индивида, совершающего поступок в конкретной ситуации, и осуществляется каждый раз заново с учетом времени, места, обстоятельств, возможностей, воздействия на всех, кого этот поступок может затронуть, и т.п. Стоический мудрец в исключительных обстоятельствах может принимать решения, которые профану кажутся вызывающе порочными, тем не менее в этом своем выборе мудрец неоспоримо добродетелен и выступает в качестве единственного критерия правильного поступка [1, с. 144–145]. Нельзя сказать, что в интеллектуалистских концепциях XVII–XVIII веков нормативное содержание морали никак не обсуждается, напротив, здесь даже предпринимаются попытки его анализа и систематизации. Однако это обсуждение скорее направлено на прояснение содержательного смысла морали в целом, нежели на формулирование конкретных практических требований. Кроме того, для интеллектуалистов-абсолютистов важно осознание принципиальной незавершенности любой нормативно-ценностной системы, оправданность, а иногда и необходимость ее реконфигурации моральным субъектом в ситуации поступка. Это связано, в частности, с пониманием морали как абсолютного закона, содержание которого невозможно исчерпывающе выразить в закрытой нормативной системе, а также с восприимчивостью к

сложности и неоднозначности реальных обстоятельств, в которых приходится действовать моральному субъекту, с осознанием того, что в моральной практике неизбежно возникает конфликт обязанностей и моральный субъект оказывается перед необходимостью разрешать этот конфликт, опираясь исключительно на свой опыт и понимание.

Все внимание нормативного абсолютизма, напротив, сосредоточено на систематизации содержания морали, на формулировании безусловных принципов и правил, которыми должен руководствоваться человек в своих поступках. Поиск и установление таких принципов и правил здесь составляет главную задачу и цель саму по себе. Осмысление же природы морали как целостного феномена, особенностей морального субъекта отходит на второй план. Нормативный абсолютизм делает акцент на практической стороне морали, он непосредственно отвечает на вопрос, что человек должен делать или чего он безусловно не должен делать, и формулирует свой ответ через систему конкретных безусловных принципов-правил. Такого рода нормативный абсолютизм характерен для британских интуитивистов XIX века, наиболее известным из которых является Уильям Хьюэл (Whewell), который ставил перед собой задачу сформулировать высшее моральное правило-закон, способный управлять всеми действиями индивидов, охватывать все сферы жизни, разграничивать их так, чтобы между этими сферами не возникало конфликтов, и определять место каждого человека в каждой сфере. Такое правило-закон, по Хьюэлу, включает пять аксиоматических (не подлежащих обоснованию) требований: 1) будь благожелательным, 2) будь справедливым, 3) будь правдивым, 4) будь целомудренным, 5) будь законопослушным (в отношении позитивных законов) [8, с. 118–122].

Моральное учение Льва Николаевича Толстого обладает всеми особенностями нормативного абсолютизма. Нормативный абсолютизм Толстого выражен, во-первых, в убеждении в том, что нравственный закон является высшим, непосредственно определяющим жизнь человека во всех ее сферах; во-вторых, в том, что главное и единственное дело человечества – это «уяснение нравственного закона», а все без исключения сферы жизни – государственная, научная, художественная, торговая – лишь кажутся независимыми от нравственности, в действительности все они должны быть направлены на единственную цель – «уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины» [9, с. 226]. Если они не выполняют этой задачи, их существование и функционирование неоправданно и даже вредно. В-третьих, Толстой сформулировал набор конкретных правил, которых должны придерживаться люди в любых обстоятельствах. Значение любого религиозного учения он видел не столько в метафизических принципах, сколько в том благе, которое следует для человека и человечества в результате приложения этих принципов к реальности. Поэтому определение практических правил, опосредующих воплощение метафизических принципов в жизни людей, он считал чрезвычайно важной задачей [10, с. 117]. Толстой сформулировал такие правила, особым образом проинтерпретировав заповеди Нагорной Проповеди. По его убеждению, в совокупности они представляют собой практическую проекцию высшего нравственного закона – закона любви, метафизический смысл которого выражен в заповеди любви к Богу и ближнему. Переведенный на язык моральной практики этот закон распадается на пять правил: 1) не оскорблять людей словом; 2) воздерживаться от блуда; 3) не клясться и ничего не обещать; 4) ни с кем не судиться, не платить злом за зло, терпеть обиды, отдавать рубаху; 5) не воевать [10, с. 118; 11, с. 80].

Если Хьюэл и идейно близкие ему моралисты при установлении и формулировании нормативной системы руководствовались в большей степени формально-рациональными соображениями, то Толстой придерживался иного подхода. При формулировании правил он исходил из содержания принимаемого им и по-своему понимаемого христианского идеала любви, к ко-

торому, по его убеждению, свойственно стремиться всем людям. Именно на «уяснение, упрощение и общедоступность» истины христианского идеала, по убеждению Толстого, должны быть непосредственно направлены любые деятельности во всех сферах жизни общества и государства. Правила же должны обеспечивать утверждение этого идеала в реальности или хотя бы задавать необходимые условия движения к нему.

В разных произведениях Толстой по-разному разъясняет существо и назначение сформулированных им моральных правил. В письме М.А. Энгельгардту (1882 г.) он усматривал значение христианства в том, что оно указывает «возможность и счастье исполнения закона любви» [10, с. 118]. Закон любви исполним, моральные же правила указывают, как его следует исполнять. Эти правила Толстой характеризовал как «самые простые, естественные, легкие и приятные для исполнения», более того, этих правил достаточно для установления «Царства правды» на земле, из них ничего нельзя исключить, не нанеся ущерба «Царству правды», но и прибавить к ним тоже нечего [10, с. 118]. В письме Энгельгардту Толстой подчеркивал особый характер моральных правил: с одной стороны, они ориентируют на личное совершенствование, с другой – на благо других. Эта двунаправленность, по Толстому, существенна: самосовершенствование невозможно без того, чтобы человек действовал для других и с другими. Но человек также не может делать добро для других, если не заботится о своей душе, не сознает тех ценностей, ради которых действует. «В том только учении истина, – говорит Толстой, – которое указывает деятельность – жизнь, удовлетворяющую потребностям души, и которая вместе с тем есть постоянная деятельность для блага других» [10, с. 119].

В более поздней работе «Царство Божие внутри вас» (1890–1893) понимание сущности и назначения моральных правил меняется, притом что их содержательная формулировка остается прежней.

Во-первых, Толстой уже не считает корректным сводить все моральное учение Христа к пяти правилам-заповедям. Он подчеркивает, что эти правила «не только не составляют учения и не исчерпывают его, но составляют только одну из бесчисленных ступеней его в приближении к совершенству». Учение включает и более возвышенные заповеди [11, с. 80–81].

Во-вторых, Толстой делает особый акцент на перфекционистской стороне христианского учения и уделяет гораздо меньше внимания необходимости заботиться о благе другого/других. Истинная жизнь, к которой свойственно стремиться людям, состоит в бесконечном движении к божественному совершенству. В перфекционизме, который характеризуется прежде всего внутренним сознанием возможности приблизиться к божественному совершенству и непрерывным стремлением к нему, видит Толстой смысл морального учения Христа. «Исполнение учения – в движении от себя к богу», – пишет он. И именно поэтому правила представляются ему лишь частью христианской морали, ведь «... для такого исполнения учения не может быть никаких обязательных законов и правил [11, с. 79].

В самих правилах-заповедях Толстой выделяет указание на идеал и на тот необходимый минимум, которого не только должно, но и вполне возможно придерживаться на пути к идеалу. Практическое правило определяет необходимый минимум и вменяет его соблюдение. Например, идеал состоит в требовании любви ко всем людям, и моральное правило, вменяющее не оскорблять людей словом, обеспечивает минимальное условие движения к этому идеалу. Идеал состоит в соблюдении целомудрия даже в мыслях, а правило требует воздерживаться хотя бы от действия – от блуда. Идеал состоит в требовании никогда ни для какой цели не прибегать к насилию, а моральное правило вменяет не платить злом за зло, терпеть обиды и отдавать рубашку. Идеал заповедует любовь к врагам, правило же требует хотя бы не делать им зла, говорить о

них доброе, равным образом относиться к ним и к своим согражданам и т.д. [11, с. 80]. Роль правил Толстой видит в прочерчивании строгих границ, внутри которых только и возможно движение человека к божественному идеалу. Его замечание о необходимости различения идеала и практического, житейского правила очень важно. Отказ от идеала Толстой объясняет, в частности, тем, что люди воспринимают идеал в качестве правила, и только поэтому следование христианскому учению кажется им разрушительным для жизни. Попытки непосредственного воплощения идеала в реальности иногда действительно чреватые фатальными последствиями как для самого морального субъекта, так и для тех, на кого направлены его поступки или кого они так или иначе затрагивают.

Хотя все правила Толстой сформулировал таким образом, что по крайней мере в некоторых из них выражено требование определенным образом относиться к другому или, правильнее сказать, – предостережение против недопустимого отношения к другому, и, значит, эти правила утверждают определенный образ отношений между людьми и нацеливают моральное субъекта на благо другого/других или хотя бы на воздержание от нанесения им вреда, все же главным назначением правил оказывается обеспечение условий, при которых человек сохраняет свою моральную чистоту, возможность выступать в качестве морального субъекта. Смысл правил-заповедей в такой интерпретации очевидно перфекционистский: перфекционизм выражен не только в стремлении приблизиться к божественному идеалу, но и в решимости никогда не совершать поступки, которые нанесут урон моральной чистоте субъекта и закроют для него путь к идеалу.

В-третьих, сами правила-заповеди Толстой уже не склонен рассматривать как исключительно практические. Он говорит о том, что все моральные правила и заповеди в рамках христианства следует рассматривать скорее как принципы, вехи на пути к идеалу, фиксирующие возможную на данном этапе развития человечества степень совершенства, нежели как правила исключительно практические.

В-четвертых, в работе «Царство Божие внутри вас» Толстой специально подчеркивает отрицательный, или запретительный, характер христианских правил-заповедей как их существенную особенность по сравнению с предписаниями внешних по отношению к человеку законов (например, общественных). Возможная на данном этапе развития человечества степень совершенства, которую фиксируют правила-принципы, определяется тем, что человечество способно не делать. Для Толстого чрезвычайно важно было ясно и четко определить сферу безусловно недопустимого. На это он указывал еще в письме Энгельгардту. Если человек пока не осознает, в чем состоит добро, если в нем пока нет сил нести людям добро, надо чтобы он по крайней мере не делал другим зла [10, с. 120]. Эту ясную, здравую, не вызывающую сомнения мысль в работе «Царство Божие внутри вас» Толстой усиливает. По логике его мысли получается, что само совершенство проявляется в силе, содержании и количестве запретов, которые человек и человечество способны принять в качестве безусловных и которым они способны следовать. Перфекционизм и запретительный характер моральных правил-принципов становятся определяющими чертами морального учения Толстого.

Своеобразие нормативно-абсолютистской позиции Толстого определялось, в частности, тем, что мораль не была для него предметом теоретического интереса, моральное учение стало плодом глубоко личных, пристрастных, жизненно важных для самого Толстого исканий, ответом на ситуацию, которую он осознал и прочувствовал как недопустимую, с которой считал невозможным примириться. Осознав в ходе переписки в Москве в 1882 году масштабы бедственного положения простых людей, Толстой прочувствовал глубокую несправедливость

устройства жизни, при котором одни работают и живут впроголодь, а другие, эксплуатируя бедных, соблазняют их демонстрацией такого образа жизни, при котором возможно не работать и вести при этом безбедную, полную самых разнообразных излишеств жизнь. Вознамерившись сначала собрать средства на улучшение жизни бедных людей и попытаться им помочь, Толстой вскоре осознал, что по-настоящему помочь можно только кардинальным преобразованием основ порочного общественного устройства и утверждением такого, при котором ни в какой форме не будет существовать эксплуатации, по существу – рабства, основанного на явном и скрытом насилии. Моральное учение Толстого и было призвано ответить на вопрос его собственной жизни, его собственного страдания: как возможно преодоление порочного и утверждение нравственного порядка жизни? Толстой фактически обращал данный вопрос к самому себе: что лично он (и возможно любой другой человек) здесь и сейчас может и должен делать в сложившихся обстоятельствах. Проблема преодоления порочного устройства жизни рассматривается им в плане исключительно внутренних, индивидуальных усилий. Глубокое ощущение несправедливости, царящей в мире, осознание невозможности преодолеть эту несправедливость простыми средствами, стали причиной того, что наиболее острым и актуальным для Толстого был вопрос именно о том, как можно пресечь зло, искоренить его из жизни людей. Наиболее очевидный для себя ответ он увидел в том, что прежде всего необходимо самому «встать вне зла», перестать творить зло и участвовать в нем. Только так можно по-настоящему помочь другим, в том числе тем, кто находится в бедственном положении. Если каждый человек найдет в себе силы занять такую позицию, зло будет окончательно преодолено. Такой ход мысли отчасти объясняет и центральное значение индивидуального перфекционизма в моральном учении Толстого, и признание в качестве специфически моральных именно правил-запретов.

Развивая свое моральное учение, Толстой вроде бы исходил из мысли, что у нас нет бесспорного, разделяемого всеми критерия зла. Рознь между людьми рождается прежде всего из несогласия в понимании добра и зла. Вместе с тем совершенно очевидно, что сам Толстой в своих рассуждениях опирался на вполне определенное, несомненное для него представление о таком критерии: насилие, с его точки зрения, и является парадигмальным определением зла. Ключевой же моральной заповедью, «смыкающим звеном» всего христианского учения Толстой считал заповедь непротивления злу силой (Мф. 5: 38–39), согласно его интерпретации, налагающую безусловный запрет на применение насилия. Хотя в работе «Царство божие внутри вас» Толстой отмечал важность понимания того, что моральные заповеди следует скорее воспринимать как принципы, ориентиры, нежели как практические правила, заповедь непротивления он, несомненно, рассматривал именно как правило, как абсолютный закон прямого действия.

Насилие Толстой понимал достаточно широко. Он включил в круг значений этого понятия и инициативное действие, в основе которого намеренное причинение вреда и ответное действие, направленное на самозащиту или защиту других людей от инициатора насилия. В содержательном плане, помимо убийства, угрозы убийства, ущемления достоинства человека, любого рода воздействия на человека с целью принуждения к чему-либо, под насилием Толстой понимал фактически любое действие, направленное против желания другого: «насилловать значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие, и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие» [11, с. 190–191]. В этой формулировке насилие оказывается противоположностью любви, которая, напротив, проявляется в подчинении своей воли другому. Непротивление в таком случае есть проявление любви, по формулировке А.А. Гусейнова, заповедь непротивления в интерпретации Толстого есть негативная формулировка заповеди любви [12, с. 287–291].

Безусловность запрета на насилие означает, что запрет не допускает исключений ни для кого ни при каких обстоятельствах. Даже если люди, которых «убивают и мучат» на ваших глазах, молят о помощи, недопустимо пытаться освободить их, прибегая к силе. К силе недопустимо также прибегать и ради попытки пресечь действия тех, кто посягает на жизнь ваших собственных детей. Если пришли зулу и хотят изжарить их, единственно возможный в данных обстоятельствах способ поведения: попытаться убедить зулу в том, что жарить детей им невыгодно и нехорошо для них – попытаться убедить, «покоряясь по силе» [10, с. 121].

Если злу недопустимо противостоять силой, как, в представлении Толстого, следует решить проблему зла? Единственно приемлемым и морально оправданным способом борьбы со злом он считал терпимое (терпеливое) отношение к проявлению насилия со стороны других людей в сочетании с отказом самому применять насилие в любых обстоятельствах по отношению ко всем без исключения людям: «Христианин ни с кем не спорит, ни на кого не нападает, ни против кого не употребляет насилия; ... он сам беспрекословно переносит насилие; но этим самым отношением к насилию не только сам освобождается, но и освобождает мир от внешней власти» [11, с. 169]. Толстой полностью переводит проблему преодоления зла в план личного совершенствования. Чтобы окончательно победить зло, человеку следует в первую очередь заботиться о своей душе, т.е. не нарушать ключевые заповеди-запреты, в том числе по отношению к обидчикам и врагам; не жить за счет чужого труда, не участвовать в деятельности, которые существуют за счет скрытого или явного насилия (государственная, промышленная, церковная, научная, эстетическая и др.); заниматься просвещением, т.е. объяснять людям, что насилие не просто преступно, но и неразумно, глупо. В случае же прямого столкновения с насилием, несущим реальную угрозу жизни близких/ближних, можно попытаться обратиться к здравому смыслу злодея, и если остановить его не удастся, останется только предложить себя на место жертвы.

В моральном учении Толстого заповедь непротivления злу оказывается существенно расширенной по сравнению с Евангельской формулировкой, которая, во-первых, указывает, как поступать человеку в тех случаях, когда злонамеренные действия другого/других направлены непосредственно против него самого, во-вторых, в ней очерчен круг тех действий, которым не следует противиться: личное оскорбление; посягательство на личную собственность; принуждение к какому-либо действию. Однако в заповеди не содержится никаких пояснений относительно того, как человек должен реагировать на действия, направленные против его близких/ближних (на действия, оскорбляющие их, посягающие на их собственность, принуждающие их к каким-либо действиям, наносящие им вред или угрожающие их жизни) и как он должен отвечать на действия, несущие прямую угрозу его собственной жизни.

Закон непротivления в том виде, в каком он был осмыслен Толстым, содержательно определяет его нормативный абсолютизм. Притом что Толстой делал акцент на перфекционистском и негативном (запрещающем) характере моральных правил-заповедей, для него самого благодаря особой интерпретации закона непротivления как закона любви они обретали положительный смысл: непротivление ориентирует человека на преодоление зла в самом себе, на божественное в собственной душе – на то, что по-настоящему соединяет всех людей и тем самым ведет к миру и освобождению человека и человечества.

Несмотря на предпринятые Толстым усилия по «уяснению, утверждению, упрощению и общедоступности нравственной истины», его нормативное учение порождало вопросы, не ответив на которые, это учение крайне трудно принять. Например, действительно ли соблюдение индивидом системы безусловных запретов, сосредоточенность на спасении собственной души сами по себе ведут к преодолению порочного устройства жизни, к прекращению стра-

дания, вызванного несправедливостью, к освобождению и утверждению мира, «Царства правды» на земле? Как отразились сосредоточенность Толстого на задаче личного совершенствования, его отказ жить за счет чужого труда на положении обитателей Ляпинского и Ржанова домов? Изменилась ли их жизнь в лучшую сторону? Не ведет ли отказ сопротивляться силой в ситуациях непосредственного столкновения со злом, в частности совершением действий, противоречащим желанию злоумышленника, к уступкам реальному злу, расширению его границ, усилению его позиций, как считал Иосиф Бродский? [13, с. 277]. Если самопожертвование во имя собственных убеждений, несомненно, вызывает восхищение, насколько с моральной точки зрения оправданно продиктованное верностью убеждениям невмешательство в ситуации, когда злоумышленник пытается причинить вред другим людям – незначительный или непоправимый? От всех этих вопросов едва ли можно отмахнуться по тем основаниям, которые были важны для самого Толстого. Он выстраивал свое учение как исключительно практическое и, кроме того, направленное на достижение вполне определенного результата – следование этому учению в конечном итоге должно вести к утверждению добра, братства между людьми.

С.Л. Франк в работе «Нравственное учение Л.Н. Толстого» замечал: «почти все мы, с разных точек зрения и по различным мотивам, не в силах принять идеи Толстого целиком, в той форме, и в том сочетании, в каком они даны в “толстовстве”» [14, с. 299]. Действительно, многие мыслители не могли принять нормативный абсолютизм Толстого. Они не приняли идею непосредственной детерминации всех сфер жизни законом непротивления, толстовскую интерпретацию этого закона, не соглашались с тем, что к этому закону сводится все содержание морали, ставили под сомнение его безусловный характер, возможность рассматривать этот закон в качестве правила прямого действия, как и моральную оправданность беспрекословного подчинения этому закону в любых ситуациях. М. Горький, например, настолько скептически воспринимал моральное учение Толстого, что, по его мнению, самому Толстому едва ли могла нравиться та истина, которую он проповедовал. Горький предполагал, что «гениальный художник Толстой смотрел на упрямого проповедника Толстого снисходительно улыбаясь, насмешливо покачивая головой» [15, с. 306–307]. Франк, с глубоким уважением относившийся к Толстому и его творчеству, не мог принять его моральное учение, которое воспринимал как догматичное, притом что с восхищением относился к проповедуемому им «глубокому, стихийному индивидуализму», оживляющему религиозную, этическую и общественную мысль. Моральный догматизм Франк видел в «стремлении беспощадно подводить всю сложность жизненных явлений под строгие, для всех одинаковые и однозначные мерки добра и зла, которым придается абсолютное значение». Именно моральный догматизм привел Толстого к отрицанию науки и искусства, заставил «свободный и могучий дух гения подчиниться раз и навсегда определенному деспотическому уставу поведения и требовать его соблюдения от других [14, с. 306–307]. В сплетении глубинного плодотворного индивидуализма и догматического морализма Франк видел своеобразие учения Толстого и исток его внутренней противоречивости: «Великая мысль о побеждающей силе любви выражается в мертвой формуле непротивления, чуткое понимание личный корней общественности приводит к отрицанию общественной деятельности, и беспощадная мораль отвергает почти весь мир – мир, сотворенный Богом любви» [14, с. 307].

Думается, нормативный абсолютизм в любой из версий чреват догматизмом. Ни одна из попыток представить мораль в виде набора безусловных правил не была воспринята как убедительная, не увенчалась успехом. Вместе с тем почти в каждой из таких попыток акцентированы важные стороны морали. Франк, например, в учении Толстого выделяет перфекционизм, вменяющий неустанно работать над собой, безбоязненно искать правду, ценить

божественную природу человека и вместо подчинения «мертвости» догматов, традиций, стадных привычек во всех сферах жизни свободно стремиться к Богу любви [14, с. 308]. С.Н. Булгаков и Вяч. И. Иванов оценили глубокий критический пафос абсолютистского учения Толстого, направленный против мещанской, буржуазной культуры [16, с. 296–298], который выразился, в частности, в «обесценивании условного», безбожного [17, с. 573]. Однако едва ли можно отрицать, что значение нормативного абсолютизма Толстого в первую очередь определяется выдвиганием идеи ненасилия в качестве существенной содержательной моральной идеи, ее всесторонним рассмотрением и обоснованием. Именно эту идею одни восприняли с восхищением (например, Мохандас Ганди, Мартин Лютер Кинг и их последователи), другие безжалостно критиковали эту идею в том виде, в каком ее развивал Толстой (например, И.А. Ильин). Трактровка Толстым идеи ненасилия, действительно, порождает множество вопросов, на которые не дает ответа, она вызывает оправданные сомнения, однако это не только не отменяет фундаментальной важности самой идеи ненасилия, но, напротив, побуждает к ее переосмыслению.

Список литературы

1. Гаджикурбанова П.А. Этика ранней Стои: учение о должном; Ин-т философии РАН. – М., 2012. – 219 с.
2. Гусейнов А.А. Античная этика. – М.: Гардарики, 2003. – 270 с.
3. Cudworth R. A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 256 p.
4. More H. Enchiridion Ethicum: The English Translation of 1690. Reproduced from the First Edition. – N.Y.: The Facsimile Text Society, 1930. – 268 p.
5. Clarke S. A Discourse concerning the Unchangeable Obligation of Natural Religion, and the Truth and Certainty of Christian Revelation // British Moralists. Ed. by D.D. Raphael. – Indianapolis/Cambridge: Hackett Pub. Co., 1991. – P. 189–226.
6. Balguy J. The Foundation of Moral Goodness: Or a Further Inquiry into the Original of Our Idea of Virtue // British Moralists / ed. by D.D. Raphael. – Indianapolis/Cambridge: Hackett Pub. Co., 1991. – P. 387–409.
7. Price R. A Review of the Principal Questions in Morals. Particularly Those Reflecting the Origin of Our Ideas of Virtue, Its Nature, Relation to the Deity, Obligation, Subject-Matter, and Sanctions / ed. D.D. Raphael. – Oxford: Oxford University Press, 1948. – 354 pp.
8. Whewell W. The Elements of Morality, Including Polity. – 4th ed. – Cambridge: Deighton Bell, and Co., London: Bell and Daldy, 1864. – 611 p.
9. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 25. – М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1937. – С. 182–411.
10. Толстой Л.Н. Письмо М.А. Энгельгардту // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 63. – М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. – С. 112–129.
11. Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 28. – М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – С. 1–293.
12. Гусейнов А.А. Л.Н. Толстой: Непротивление злу насилеием // Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. – М.: Вече, 2009. – С. 270–298.
13. Бродский И.А. Актовая речь / пер. с англ. Д. Дашевского // Бродский И.А. Соч. в 7 т. Т. 5. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 275–280.

14. Франк С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого (К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г.) // Толстой Л.Н.: Pro et Contra: Личность и творчество Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К.Г. Исупова. – СПб.: РХГУ, 2000. – С. 299–308.

15. Горький М. О С.А. Толстой // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 14. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. – С. 301–316.

16. Булгаков С.Н. Простота и опрощение // Толстой Л.Н.: Pro et Contra: Личность и творчество Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К.Г. Исупова. – СПб.: РХГУ, 2000. – С. 274–298.

17. Иванов Вяч.И. Лев Толстой и культура // Толстой Л.Н.: Pro et Contra Личность и творчество Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К.Г. Исупова. – СПб.: РХГУ, 2000. – С. 563–574.

References

1. Gadzhikurbanova P.A. Etika rannei Stoi [Ethics of the early Stoa: The doctrine of due]. Moscow, Institut Filosofii RAN, 2012, 219 p.
2. Guseynov A.A. Antichnaya etika [Ancient ethics]. Moscow, Gardariki, 2003, 270 p.
3. Cudworth R. A Treatise concerning eternal and immutable morality. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, 256 p.
4. More H. Enchiridion Ethicum: The English translation of 1690. Reproduced from the first edition. New York, The Facsimile text society, 1930, 268 p.
5. Clarke S. A Discourse concerning the unchangeable obligation of natural religion, and the truth and certainty of christian revelation. Ed. D.D. Raphael. Indianapolis/Cambridge, Hackett Pub. Co., 1991, pp. 189–226.
6. Balguy J. The foundation of moral goodness: or a further inquiry into the original of our idea of virtue. *British Moralists*. Ed. D.D. Raphael. Indianapolis/Cambridge, Hackett Pub. Co., 1991, pp. 387–409.
7. Price R. A Review of the principal questions in morals. Particularly those reflecting the origin of our ideas of virtue, its nature, relation to the deity, obligation, subject-matter, and sanctions. Ed. D.D. Raphael. Oxford, Oxford University Press, 1948, 354 p.
8. Whewell W. The elements of morality, including polity. 4th ed. Cambridge, Deighton Bell, and Co., London, Bell and Daldy, 1864, 611 p.
9. Tolstoy L.N. Tak chto zhe nam delat'? [What then must we do?]. *Complete Works in 90 Vols*. Vol. 25. Moscow–Leningrad, Hudozhestvennaya literature State Publ., 1937, pp. 182–411.
10. Tolstoy L.N. Pismo M.A. Engel'gardtu [Letter to M.A. Engekhard]. Vol. 63. Moscow–Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1934, pp. 112–129.
11. Tolstoy L.N. Tsarstvo Bozhie vnutri vas [The kingdom of God is within you]. Vol. 28. Moscow–Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1957, pp. 1–293.
12. Guseynov A.A. L.N. Tolstoi: Neprotivlenie zlu nasiliem [Tolstoy: Non-resistance to evil by violence]. *Velikie proroki i mysliteli. Nравstvennye ucheniia ot Moiseia do nashikh dnei*. Moscow, Veche, 2009, pp. 270–298.
13. Brodskii I.A. Aktovaia rech' [Commencement address]. Saint-Petersburg, Pushkinskii fond, 2001, vol. 5, pp. 275–280.
14. Frank S.L. Nравstvennoe uchenie L.N. Tolstogo (K 80-letnemu iubileiu Tolstogo 28 avgusta 1908 g.) [Leo Tolstoy's moral teaching (Th the 80th anniversary of Tolstoy on August 28, 1908)]. Saint-Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia, 2000, pp. 299–308.
15. Gorky M.O. S.A. Tolstoi [On S.A. Tolstoy]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1951, vol. 14, pp. 301–316.
16. Bulgakov S.N. Prostota i oproshchenie [Simlicity and simplification]. Saint Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia, 2000, pp. 274–298.
17. Ivanov V.I. Lev Tolstoi i kul'tura [Leo Tolstoy and culture]. Saint Petersburg, Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia, 2000, pp. 563–574.

Получено: 22.05.2018

Принято к печати: 11.09.2018